

Разрушение Трои. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!

Разрушение Трои. Василий Андреевич Жуковский

Из «Энеиды» Виргилия

Все молчат, обратив на Энея внимательны лица.
С ложа высокого так начинает Эней-прародитель:
«О царица, велишь обновить несказанное горе:
Как погибла Троя, как Приамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный свидетель,
Все, чего я был главная часть... повествуя об этом,
Кто – мирмидон ли, долоп ли, свирепый ли ратник Улисса –
Слез не прольет! Но влажная ночь уже низлетела
С тихого неба; ко сну приглашают сходящие звезды.
Если ж толь сильно желание слышать о наших страданиях,
Слышать о страшном последнем часе разрушенной Трои, –
Сколь ни тяжело душе вспоминать о бедах толь великих,
Я повинуюсь. Войной утомленны, отверженны роком,
Столько напрасно утративши лет, полководцы данаев
Хитрым искусством небесной Паллады коня сотворили,
Дивно-огромного, плотные ребра из крепкия сосны,
В жертву богам при отплытии (так молва разгласила).
Тут избранных мужей, назначенных жребием, тайно
Скрыли они в пространные недра чудовища: полно
Сделалось чрево громады одеянных броней ратных.
Близ Илиона лежит Тенедос, знаменитый издревле
Остров, обильный, доколе стояло царство Приама,
Ныне же бедный залив, кораблям ненадежная пристань.
Там, удалясь, у пустых берегов притаились данаи;
Мы же их мнили уплывшими с ветром попутным в Микины.
Тевкрия вся от тяжелой печали вдруг отдохнула;
Град растворился; рвемся на волю, чтоб лагерь дорийский,
Место пустое и берег, врагами оставленный, видеть.
Там стояло их войско; тут шатер был Ахиллов;
Здесь корабли их; там поле, где рати обычно сражались».
Все дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Все дивятся великой громаде, и первый Тиметос –
Был ли он враг нам, судьба ль уж паденье Пергама решила –
В город вовлечь и в замке поставить коня предлагает;
Но пронцательный Капис и каждый, в ком ясен был разум,
В море советуют козни данаев с их даром неверным
Бросить или предать огню и пеплом развеять;
Или, чрево пронзив, сокровенное в нем обнаружить.
Так в нерешимости мнений толпа волновалась. Но быстро,
Гневен, стремится от замка, один впереди, провожаем
Сонмом шумящим народа, Лаокоон; издалека
Он возопил: «О, несчастные! что за безумство, граждане!
Верите ль бегству врага? Иль мните, что дар нековарный
Могут оставить данаи? Так ли узнали Улисса?
Или ахеяне здесь, заключенные в древе, таятся;
Или громада сия создана, чтоб, на гибель Пергаму,
В дома наши глядеть и град сторожить с возвышенья;
Или коварство иное... коню не вверяйтесь, тевкры!
Что здесь ни будь... я данаев страшусь и дары приносящих».
Так сказал, и копье тяжелое мощной десницей
Он в огромный бок и в согбенное чрево громады
Ринул; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звон издала; застенало в недре глубоком.
Так, когда бы не боги, когда б не затмение рассудка,
Нам бы тогда же открыло их козни железо... и ты бы,
Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Приама!
Вдруг дарданские горные пастыри с криком и плеском
Юношу, руки ему на хребет заковавши, к Приаму
Силой влекут; он сам, неведомый им, замышляя
Хитрость и средство ахеян впустить в Илион, произвольно
Предал себя, отважный, на все готовый заране:
Козни ль свои совершить иль верною смертью погибнуть.

Жадно троянские бросились юноши грека увидеть;
Стали кругом и спорят друг с другом, чтоб пленным ругаться..
Сведай же хитрость ахейн; в злодействе едином
Всех их узнай! Стоя один, посреди толпы, смятен, безоружен,
Робко водил он кругом недоверчивый взор; напоследок:
«О, какая земля, какое море, – воскликнул. –
Примут меня, и что мне теперь, несчастливцу, осталось!
Места меж греками нет, а здесь раздраженная Троя,
Полная праведной мести, погибелью мне угрожает!»
Жалоба пленника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы; вопрошаем: какой он породы? откуда?
Что намерен начать? за что судьбу упрекает?
Бремя страха сложивши, Приаму отвечивал пленник:
«Что б ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первых,
Родом я грек – не таюсь; Sinon быть может несчастен,
Воля судьбы; но коварным лжецом никогда он не будет.
Верно, молва донесла до тебя знаменитое имя,
Верно, слышал о делах Паламеда, Вилова сына;
Славный вождь, но безвинно, по злым наущеньям пелазгов,
Толпою за то, что войны не оправдывал, преданный смерти,
Ныне же, света лишенный, от них же, свирепых, оплакан.
Сродник его, мой убогий отец, его попеченьям
В юности вверил меня, снарядив на войну; и доколе
Был почтен Паламед, заседаю с вождями в совете,
Был и я не без имени, было и мне уважение.
Но с тех пор как пал он жертвой Улиссовой злобы,
Тяжкую жизнь во мраке печальном влачил я, бесплодно
В сердце своем негодуя на гибель невинного друга;
О, безрассудный! я не смолчал, но смело грозился
Мстить за него, лишь только б в Аргос возвратиться с победой
Боги велели! Угрозы мои распалили их злобу.
С той минуты беды за бедами; Улисс неусыпно,
Сам виновный, меня обвинял в замышляньях, коварно
Сеял наветы в толпе и губил меня клеветами.
Прежде не мог успокоиться он, доколе Калхаса..
Но почто продолжать бесполезно-прискорбную повесть?
Что прибавлю? Когда вам все греки равно ненавистны –
Ведать довольно: я грек; поражайте меня; вы Улиссу
Тем угодите; и щедро за то наградят вас Атриды».
Чужды сомненья, не зная всего вероломства пелазгов,
Мы, любопытством горя, вопрошать продолжаем Синона.
Снова начал он робкую речь с лицемерным смиреньем:
«Долгой осадой наскучив, бесплодной войной утомлены,
Греки не раз от упорных Трои бежать замышляли.
О! почто сего не свершилось? Но бури от моря
Часто им путь заграждали, и южный ветер страшил их.
С той же поры, как построен был конь сей из брусьев сосновых,
Грозы с небес не сходили, и ливень шумел непрестанно.
В трепете мы Эрифила узнать, что велит нам оракул,
В Дельфы послали – с ужасным ответом он возвратился:
Греки, плывя к Илиону, кровию девы закланной
Вечных склонили богов даровать им ветер попутный:
Крови аргосского мужа и ныне за ветер возвратный
Требует небо. Едва разнеслось прорицанье в народе,
Все возмущились умы, сердца охладели, и трепет
Кости проникнул. Кому сей жребий? кто Фебова жертва?
С шумом тогда Улисс ухищренный Калхаса пророка
Силой привлек пред народ, да откроет волю бессмертных.
Многие тут же, зная Улисса, мне предсказали
Умысел злой на меня и ждали в смятенье, что будет;
Десять дней прорицатель молчал и, таясь, отрекался
Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
Но, наконец, приневолен докучным Улиссовым воплем,
Он произнес... то было мое несчастное имя!
Все одобрили выбор, и всяк, за себя трепетавший,
Рад был, что грозное всем одному обратилось в погибель.
День роковой наступал; меня уж готовили в жертву;
Были готовы и соль и священный пирог, и повязка

Мне уж чело украшала... но я (не сокрою) разрушил
Цепи, скрылся в болото и там, в тростнике притаившись
Ночью ждал, чтоб они, подняв паруса, удалились...
Нет теперь мне надежды отчизну древнюю видеть!
Вечно милых родных и отца желанного вечно
Я не увижу! Быть может, и то, что их же, невинных,
Мне в замену, за бегство мое, убийцы погубят...
О! всевышними, зрящими вечную правду богами.
О! правотой неизменною – если еще сохранилась
Где на земле правота – молю: яви сожаленье
Бедному мне и тронься на мой незаслуженный жребий!»
Мы, сострадая, скорбели над ним, проливающим слезы
Сам благодушный Приам повелел тяготящие узы
С пленника снять и ему с утешительной ласкою молвил:
«Кто бы ты ни был, забудь о своих неприязненных греках;
Наш ты теперь; ободрись и друзьям откровенно поведай:
Что знаменует громадный сей конь? На что он воздвигнут?
Кем? Приношение ль богу какому? Орудие ль брани!» –
Так Приам вопрошал. И, полный коварства пелазгов,
Пленник, поднявши к священному небу свободные руки:
«Вы, светила небесные, вы, надзвездные боги,
Вас призываю (воскликнул), вас, от которых бежал я,
Жертвенный нож, алтарь, роковая повязка! Отныне
Я навсегда разорвал ненавистные с греками узы;
Греки враги мне; свободно открою троянам их тайны:
Чуждый отчизне, я чужд навсегда и законам отчизны.
Ты же мне данный обет сохрани, сохраненная Троя,
Если тебе во спасенье великую истину молвлю.
Всех упований подпорой, надежной помощницей в битвах.
Грекам Паллада была искони; но с тех пор как преступный
Сын Тидеев и с ним Улисс, вымышлятель коварных
Козней, из храма Палладиум, стражей высокого замка
Смерти предав, унесли и рукой, от убийства кровавой,
Девственно-чистых богини одежд прикоснуться дерзнули –
Кончилась наша доверенность к ней, охладела надежда,
Сила упала, от нас отклонилась богиня; и зрелись
Явные знаки гнева Тритоны: лишь только во стане
Был утвержден похищенный идол, ожившие очи
Вдруг ослепительным блеском зажглись, по членам соленый
Проступил, и трикраты (о страшное чудо!) богиня,
Прянув, воздвигнула щит и копьем потрясла, угрожая.
Нам, устрашенным, Калхас немедля советует бегство.
Трое не пасть от аргивския силы, – прорек он, – иль снова
Греки должны вопросить оракул в Аргосе и морем
Взятый в отчизну Палладиум вновь привести к Илиону.
Знайте ж: теперь, переплывши в Аргос с благовеющим ветром,
Рать и сопутных богов они собирают, чтоб снова
Вслед за Калхасом войной на Пергам неожиданной грянуть.
В дар же богам за Палладиум, в честь оскорбленной Тритоны
Ими воздвигнут сей идол, чтоб их святотатство загладить;
Сам Калхас повелел, чтоб конь сей чудовищный создан
Был из крепких досок и высился ростом огромным
К небу, дабы не пройти во врата и не стать в Илионе
Грозной защитой народу по древним сказаниям предков.
Ведай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
Гибель великая – о! да обрушат ее на Калхаса
Праведны боги! – постигнет Приамов престол и фригиан;
Если же сами коня возведете во внутренность града,
Некогда Азия стены Пелопсовы сильной оступит
Ратью, и наших потомков постигнет мстящая гибель».
Боги! боги! притворным речам вероломца Синона
Жадно поверили мы... и те, кого ни Тидеев
Сын, ни Ахилл-фессалиец, ни десять лет непрерывной
Брани, ни тысяча их кораблей покорить не умели, –
Те единому слову, одной слезе покорились.
Тут явилось другое, неслыханно страшное чудо
Нашим очам и вселило в сердца неописанный трепет.
Лаокоон, Нептунов избранный жрец, всенародно

Разрушение Трои. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru
Тучного богу вола приносил пред храмом на жертву...
Вдруг, четой, от страны Тенедоса, по тихому морю
(Вспомнив о том, трепещу!) два змея, возлегши на воды,
Рядом плывут и медленно тянутся к нашему берегу:
Груды из волн поднялись; над водами кровавые гребни
дыбом; глубокий, излучистый след за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины,
Пенясь, влага под ними шумит; всползают па берег;
Ярко налитые кровью глаза и рдеют и блещут;
С свистом проворными жалами лижут разинуты пасти.
Мы, побледнев, разбежались. Чудовища прянули дружно
к Лаокоону и, двух сынов его малолетних
Разом настигнув, скрутили их тело и, жадные втиснув
Зубы им в члены, загрызли мгновенно обоих; на помощь
к детям отец со стрелами бежит; но змеи, напавши
Вдруг на него и спутавшись, крепкими кольцами дважды
чрево и грудь и дважды выю ему окружили
Телом чешуйным и грозно над ним поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягает он слабые руки –
Черный яд и пена текут по священным повязкам;
Тщетно, терзаем, пронзительный стон ко звездам он подымлет;
Так, отряхая топор, неверно в шею вонзенный,
Бесится вол и ревет, оторвавшись от жертвенной цепи.
Быстро вивясь, побежали ко храму высокому змеи;
Там, достигши святилища гневной Тритоны, припали
Мирно к стопам божества и под щит улеглись огромный.
Всем нам тогда предвещательный ужас глубоко проникнул
Сердце; в трепете мыслим: достойно был дерзкий наказан
Лаокоон, оскорбитель святыни, копьем святотатным
Недра пронзивший коню, посвященному чистой Палладе.
«Весть коня в Илион! молить о пощаде Палладу!» Весь народ возопил...
Стены поспешно пронзаем; разломаны града твердыни;
Все на работу бегут: под коня подкативши колеса,
Ставят громаду на них и, шею канатом опутав,
Тянут... шатнулось чудовище; воинов полное, в город
Медленно движется; юноши вокруг и безбрачные девы
Гимны поют и теснятся, чтоб вервей коснуться руками.
Вдвинулся конь и идет, угрожающий, стогнами Трои...
О отчизна! о град богов Илион! о во брани
Славные стены дарданские! трижды в воротах громада
Остановилась, трижды внутри зазвучало железо...
Мы ж, ослепленные, разум утратив, не зрим и не слышим.
В замок Пергама введен наконец истукан бедоносный.
Тут Кассандра, без веры внимаема нами, напрасно
Вещий язык разрешила, чтоб нам предсказать о грядущем;
Мы слепцы, для которых сей день был последний, цветами
Храмы богов украшали, спокойно по стогнам ликуя...
Небо тем временем круг совершило, и ночь полетела
С моря, и землю, и твердь, и обман мирмидонян объемля
Тенью великой; по граду беспечно рассыпавшись, тевкры
Все умолкнули: сон обнимал утомленные члены.
Тою порой от берегов Тенедоса фалангу аргивян
Строим несли корабли в благосклонном безлунном мраке
Прямо к знакомым берегам; и лишь только над царской кормою
Вспыхнуло пламя – судьбою богов, нам враждебных, хранимый,
Тихо сосновые двери замкнутым в громаде данаям
Отпер коварный Синон; растворившись, греков на воздух
Конь возвратил; спешат из душного мрака темницы
Выйти вожди: Стенел, и Тессандр, и Улисс кровожадный,
Смело по верви скользят, и за ними Фоас с Афаманом,
Внук Пелеев Неоптолем, Магаон, напоследок
Сам Менелай и с ним громады создатель Эпеос.
Быстро напали на сонный, вином обезумленный город;
Стража зарезана; твердые сбиты врата, и навстречу
Ждущим у входа вождям мирмидоняне хлынули в Трою.
Было то время, когда на усталых сходить начинает
Первый сон, богов благодать, успокоитель сладкий.
Вдруг... мне заснувшему видится, будто Гектор печальный

Стал предо мной, проливая обильно горькие слезы,
Тот же, каким он являлся, конями размыканный, черен
Пылью кровавой, истерты ремнями опухшие ноги.
Горе! таким ли видал я его? как был он несходен
С Гектором прежним, гордо бегущим в Ахилловой броне
Иль запалившим фригийский пожар в кораблях супостата!
Всклочена густо брада; от крови склеилися кудри;
Тело истерзано ранами, некогда вокруг илионских
Стен полученными. Сам, заливаясь слезами, казалось
Так во сне я приветствовал Гектора жалобной речью:
«О светило Дардании! верная Трои надежда!
Где так долго ты медлил? Гектор желанный, откуда
Ныне пришел ты? О! сколь же ты нас, по утрате толиких
Храбрых друзей, по толиких бедствиях граждан и града
Сердцем унылых обрел! и что недостойное светлый
Образ твой затемнило? Откуда толикие раны?»
Он ни слова; бесплодным вопросам он не дал вниманья;
Но, протяжный, тяжелый вздох исторгнув из груди,
Молвил: «Беги, сын богини, спасайся; Пергам погибает;
Враг во граде; падает Троя; Приаму, отчизне
Мы отслужили; когда бы от смертной руки для Пергама
Было спасенье – Пергам бы спасен был этой рукою.
Троя пенатов своих тебе поверяет, прими их
В спутники жизни; для них завоюй обреченные небом
Стены державные, их же воздвигнешь, исплававши море».
Кончил – и вынес из тайны святилища утварь, повязки,
Вечно пылающий огонь и лик всемогущия Весты.
Тою порою по граду, шумя, разливалась гибель.
Боле и боле – хотя в стороне, одинок и непышен,
Дом Анхиза-родителя сенью закрыт был древесной –
Шум приближается; явственней слышно волнение брани.
Я очнулся и ложе покинул; на верхнюю кровлю
Дома взбежал и стою, внимательным слушая ухом.
Так – когда, раздуваемый бурей, свирепствует пламень
В жатве, иль ливнем поток наводненный, с горы загремевши,
Губит поля, и веселые нивы, и труд земледельца,
С корнями рвет и уносит деревья – с вершины утеса
В смутном неведенье силится к шуму прислушаться пастырь.
Все мне тогда – и видения тайна и козни данаев –
Вдруг объяснилось. Уж дом Деифобов горит и огромной
Грудой развалин, дымящийся, падает; с ним пламенеет
Укалегонов, и заревом блещут сигейские воды;
Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
Я как безумный за меч... но куда с мечом обратиться?
Рвусь нетерпением дружину созвать, чтоб броситься в замок;
Ярость и бешенство душу стремительно мчат, и погибнуть
Смертью прекрасной в бою с тоскою мучительной жажду.
Вдруг явился Панфей, убежавший от копий ахейских,
Старец Панфей, Отриад и в замке жрец Аполлонов.
Утварь и лики богов побежденных похитив, младого
Внука он влек за собой и, беспамятен, мчался к Анхизу.
"Есть ли надежда, Панфей? Уцелели ль замка твердыни?" –
Я спросил; отчаянным стоном ответствовал старец:
«День последний настал, неизбежное время настало
Царству; мы были трояне, был Илион, и великой
Тевкрии слава была... на аргивян жестокий Юпитер
Все перенес; господствуют греки в пылающем граде,
Гибельно высясь над площадью замка, ратников сонмы
Конь извергает; Синоп, торжествуя, пожарное пламя
Тщится усилить; там непрестанно двумя воротами
Войска бесчисленны входят, каких не видали Микины;
Здесь, захвативши тесные выходы, сильная стража
Сдвинула копья, и грозно, вонзиться готовое, блещет
Их острие; безнадежно, расстроенной, слабой дружиной
Бьются привратные воины, слясь напрасно отбиться».
Страшною вестью Панфея и силой бессмертных влекомый,
Я побежал, куда призывали Эриннис, и шумный
Говор сраженья, и пламень, и стон, ко звездам восходящий.

Разрушение Трои. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru
Следом за мною Рифей и зрелый мужеством Ифит;
К нам пристали при блеске пожара Димант с Гипанисом,
К нам и Хорев Мигдонид, в Илион приведенный судьбою
За день пред тем, горящий безумной к Кассандре любовью,
С верною помощью к тестю Приаму и Трое... несчастный!
Купно с другими вещим речам вдохновенной невесты он не поверил...
Я же, их видя решительных, жаждущих боя, воскликнул:
«Юные други! сердца, толь напрасно бесстрашные ныне!
Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы
Силы последней (что же фортуна решила, вы зрите:
Наши святилища бросили, наши покинули храмы
Боги, хранители Трои; снятый Илион исчезает
Дымом), на смерть побежим, ударим в средину оружьем;
Други! спасенья не ждате – одно побежденным спасенье».
Вспыхнула бодрая младость. Подобно как в темном тумане
Рыщут, почуя добычу, гонимые бешенством глады,
Хищные волки и, пасти засохшие жадно разинув,
Их волчата ждут в логовищах, – сквозь копья и сонмы
Так на погибель ударились мы, пролагая в средину
Города путь, облетаемы ночи огромною тенью.
Ночь несказанная; где слова для ее разрушений?
Кто и какими слезами такую погибель оплачет?
Падает древний град, многолетний властитель народов;
Всюду разбросаны трупы; лежат неподвижно во прахе
Улиц, на прагах домов, при дверях, во святилищах храмов.
Но не одну безотпорную смерть принимает троянец,
Часто горит в побежденном привычная бодрость и гибнет
Грек-победитель... Везде, отовсюду являются взору
Ужас, и бой, и кровавая смерть в неисчисленных видах.
Первый из греков, дружиною встреченный нашей на стогнах,
Был Андрогей; в обманчивом сумраке ночи приемля
Нас за данаев союзных, он так дружелюбно воскликнул:
«Братья, спешите; где же так долго вас задержала
Праздная лень? Давно расхищают горящую Трою
Греки; а вы едва с кораблями расстаться успели».
Так он сказал; но, узрев безответную нашу суровость,
Вмиг догадался, кто перед ним, отскочил и умолкнул,
Скованный страхом. Как путник, змею разбудивший ногою,
Трепетен рвется назад, узрев, как она, развернувшись,
Гнев воздымает и свищет, подняв чешуи голубые, –
Так, задрожавши, от нас побежал Андрогей... но напрасно!
Мы за ним; разорвали их строй; и, не ведая града,
Вдруг осажденные страхом, незапную, ночью и нами,
Все до единого пали враги. Улыбнулась фортуна
Первому нашему бою. Хорев, воспаленный удачей,
«Други! – воскликнул. – Отважись ввериться первому счастью;
Нам благосклонно судьба указывает наш путь; облачимся
В брони данаев, щиты переменим; обманом иль силой –
Все равно для врага. И ныне оружие сами
Греки троянам дадут». Сказал и надел Андрогеев
Гривистый шлем, завоеванный щит надвинул на шуйцу,
Греческий меч утвердил на бедре. Ему подражая,
Бодро Димант, и Рифей, и вся молодая дружина
Свежей добычей оружьем себя ополчили. В средину
Греков бежим... но боги отчизны были не с нами.
Подвигов много, врагами не узнанны, в сумраке ночи
Мы совершили, много данаев низринуты в Оркус.
Мчатся из града; иных загоняет постыдная робость
В недра коня, и приемлет их снова знакомое чрево.
Но... богам отвратившись, поздно вверяться надежде!
Вдруг из храма Паллады влекут за власы распущенны,
Вырвав ее из святилища, дочь Приама Кассандру,
К темному небу напрасно подъемлющу пламенные очи –
Очи одни, окованы были невинные руки;
Страшного вида сего не стерпело сердце Хорева;
Он, обезумленный, прямо в средину толпы их; и, сдвинув
Груды и копья, мы дружно за ним; но плачевно-ужасный
Бой тогда закипел: трояне, обмануты видом

Наших греческих лат и сверканием шлемов косматых,
С кровли высокого храма пустили в нас тучею стрелы;
Стон пораженных нам изменил; на Кассандрины вопли
Бросился враг; мы все опрокинуты; с бурным Аяксом
Оба явились Атрида – за ними толпами данаи.
Так, подымаясь крутящимся вихрем, сшибаются ветры
Нот и Зефир, и на легких несомый конях от востока
Эвр, и бушуют леса, и Нерей опененным трезубцем
Бьет по водам, и до самого дна содрогается море.
Скоро и греки, испуганны мраком ночным и по граду
Нашей дружиной рассеяны, вышли из тайных убежищ,
Первые нас по щитам и обманчивым броням узнали,
Вслушались в наши слова и чужие заметили звуки.
Множество нас задавило: первый мечом Пенелея
Пал Хорев пред святым алтарем броненосной Паллады;
Пал и Рифей, из троян непорочнейший, правды блюститель
(Иначе боги судили о нем); Димант с Гипанисом
Пали от копий троянских; ни фебова риза, ни святость
Чистья жизни тебя не спасли, о Панфей благодушный,
Прах Илиона, все блага мои поглотившее пламя.
Вас призываю! вы зрели, что я не чуждался ни копий
Вражьих, ни силы врага; и когда бы назначил мне жребий
Пасть – я паденье свое заслужил. Но из битвы (за мною
Ифит один с Пелиасом, Ифит, уже отягченный
Дряхлостью лет, Пелиас, умирающий, ранен Улиссом)
Я устремился на стон, огласивший чертоги Приама.
Там все ужасы брани стеклися: как будто во граде
Не было битвы иной и нигде никого не разили –
Так свирепствовал Марс, так бешено греки рвалися
В замок и, сдвинув щиты черепахой, на вход напирали.
Множеством лестниц унизаны стены; вверх по ступеням
Лезут данаи, шуйцей щиты над главами под копыя
Наши подставив, десной за вершину ограды хватаясь;
Тевкры, готовя отпор, разоряют и башни и дома.
Вместо оружия собирают обломки с намереньем грозным
В битве отчаянной ими врага раздавить, погибая;
С шумом державного дома царей позлащенные убранства
Падают; меч обнаживши, другие, у врат осажденных
Тесной дружиной столпясь, ограждают святилище прага.
Взорванный гневом, стремлюсь на защиту Приамова дома,
Ратных усилить и бодрого духа придать побежденным.
Были сокрытые двери в стене высокого замка.
Ход потаенный из внешнего града в царево жилище;
Часто, во дни благоденствия Трои, ко свекру Прнаму
Оным путем Андромаха несчастная тайно ходила:
Взор престарелого деда порадовать внуком цветущим.
Оным путем пробираюсь к тому возвышенью, откуда
Тщетно последние стрелы на греков бросали трояне.
Там воздымалась стремнистая башня, весь град перевыся:
С кровли ее неприступной видимы были вся Троя,
Все корабли мирмидонян, весь греческий стан отдаленный.
Там, где она со стены висела громадою всею
Грозно над градом, как туча, мы острым железом подрыли
Сплоченны камни и двинули башню.. гремя и дымяся,
Вдруг она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на греков; погибших сменили другие, и градом
Стрелы, копыя и камни опять полетели.
Всех определя, напирал на преддверие Пирр бедоносный,
Грозен, как пламенный, медной броней и стрелами сияя.
Так на солнце змея, напивавшись ядом растений,
Долго лежав неподвижно под тягостным холодом снега,
Вдруг, чешуи обновив, расправляет красы молодые,
Скользкий волнует хребет, золотистую грудь надувает,
Вьется в лучах и жалом тройным, разыгравшись, блещет.
С ним великан Пернфрас, и правитель Ахилловых коней
Оруженосец Автомедон, и дружина скирнян
Шумно к чертогам теснятся и пламень бросают на кровли.
Сам же, у всех впереди, он огромной двуострой секирой

Рушит затворы, с притолок тяжких, окованных медью,
Петли сбивает, брусья дробит и плотные доски
Вдруг прорубил – широкою щелью разинулись двери.
Видимы стали и внутренний двор и ряды переходов,
Видима древняя храмина прежних царей и Приама,
Видимы в сенях и стражи, хранители царского прага.
В самом же доме и жалобный крик, и шум, и волненье;
Звонкие своды чертогов наполнив пронзительным стоном,
Жены рыдают; к звездам подымает отчаянье голос.
Бледные матери, бегая в мутном безумии страха,
Праги объемлют дверей и к ним прилипают устами.
Вдруг вторгается Пирр, как отец, неизбежно – ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража; таран стенобойный
Сшиб ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
Силе прочистился путь, и в пролом, опрокинув передних,
Ринулся грек, и врагами обители все закипели.
Менее грозен, плотину прорвав и разрушивши стену,
С ревом и с пеной стремится поток из берегов и, равнину
Шумным разливом окрест потопив, стада и заграды
Мчит по полям. Я видел убийством яримого Пирра;
Видел обоих Атридов, дымящихся кровью в обители царской;
Видел Гекубу, и сто невесток ее, и Приама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагривших.
Вдруг пятьдесят сыновних брачных чертогов, надежда
Стольких внуков, и стены, добыч многочисленных златом
Гордые, пали – пожаром забытое схвачено греком.
Знать пожелаешь, быть может, царица, что было с Приамом.
Видя падение града, видя пылающий замок,
Видя врага, захватившего внутренность царского дома,
Старец давно позабытую броню на хилые плечи,
Сгорбленный тягостью лет, чрез силу надел, бесполезный
Меч опоясал и в сонмы врагов пошел на погибель.
В самой середине царских чертогов, под небом открытым,
Был великий алтарь; над ним многолетнего лавра
Сень наклонялась и лики домашних богов обнимала.
Там с дочерьми сидела Гекуба. Напрасно – укрывшись
Робко под жертвенник, словно как стая пугливая горлиц
В грозу под ветви, – кумиры бессмертных они обнимали.
Вдруг царица одетого броней младости бранной
Видит Приама. «Куда ты, бедный супруг (возгласила)?
Что ополчило тебя? К чему безрассудная бодрость?
Ныне такая ли помощь, такой ли защитник Пергаму
Нужны? Пергама не спас бы теперь и великий мой Гектор.
С нами останься, Приам; алтарь защитит нас,
Или умрем неразлучны». Сказала и, руку супругу
Давши, старца с собой посадила на месте священном.
Вдруг из убийственных Пирровых рук убежавший Политос,
Сын последний Приама, сквозь копья, сквозь сонмища вражды,
Вдоль переходов, пустыми чертогами, раненый, мчится;
Быстро за ним сверкающий Пирр с неизбежным убийством
Гонится... близко; нагнал, достигнул железом; пронзенный,
К лону родителей кинулся юноша, в страхе пред ними
Пал, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови.
Тут закипело Приамово сердце. Сам погибая,
Он не стерпел толь великого горя и гневно воскликнул:
«О, чудовище! Боги тебе, святотатный убийца,
Боги – если живет в небесах правосудная жалость –
Мзду ниспослют; по заслуге получишь награду, губитель,
Ты предо мной моего растерзавший последнего сына!
То ли Ахилл, от тебя названьем отца поносимый,
Сделал с Приамом – врагом? Он, краснея, почтил униженье
Старца молящего; дал схоронить мне бездушное тело
Гектора – сына и в Троию меня отпустил безобидно».
Так он сказал и копьё бессильное слабой рукою
Бросил; оно, ударяся в медь, зазвеневшую глухо,
Тронуло выгиб щита и на нем без движенья повисло.
Яростно Пирр возопил: «Иди же с поносною отсюда
Вестью к Пелиду-отцу; не забудь о бесславных деяньях

Разрушение Трои. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru
Пирра поведать ему; теперь же умри». Беспощадно
Он перед жертвенник дрогнувший старца повлек; сединами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опутал, десницей
Меч замахнул и в ребра до самой вонзил рукояти.
Так совершилась участь Приама; так он покинул
Землю, зревши добычей пожара Пергам и паденье
Трои, некогда сильный властитель народов, державный
Азии царь... и великое тело на бреге пустынном
Ныне без чести лежит, обезглавлено, труп безымянный.
Тут впервые мне ужас предчувствия душу проникнул:
я обомлел; я о милом старце родителе вспомнил,
Видя, как дряхлый ровесник его, под рукой беспощадной,
Царь издыхал; я вспомнил о сирой Креузе, о доме,
Преданном греку во власть, о судьбине младенца Иула.
Взор обращаю: нет ли со мною сподвижников ратных?
Все исчезли; одни, утомленные битвою, с башни
Прянули в город; другие отчаянно кинулись в пламень
я один уцелел. И вдруг в преддверии храма
Весты, робко-безмолвную, скрытую в темном притворе,
Вижу Тиндарову дочь: при зареве ярком пожара
Светлым путем я бежал, все око являлося ясным.
Там, опасаясь троян, раздраженных паденьем Пергама,
Злобы данаев и мести супруга, отчизну и Трою
Купно губящая фурия, жертвенник Весты объемя,
В храме, богам ненавистная, тайно сидела Елена.
Вспыхнуло сердце во мне; отомстить за погибель отчизны
Рвется мой гнев; истребить истребленья виновницу жажду
«Ей ненаказанной Спарту узреть! в родные Микины
Гордой царицей вступить, торжествуя! увидеть супруга
Дом родительский, чад, окруженной прискорбной толпою
Дев илионских и пленных троян!... А Приам уж зарезан,
Троя горит и Дардания целая кровью дымится!
Нет! того не стерплю! пускай не великая слава
Женоубийце, пускай для него беспохвальна победа –
Свет от чудовища должно очистить; кровавою мстью
Сердце свое утолю и пепел моих успокою».
Так я, себя раздражая, злобой кипящий, стремился.
Вдруг перед очи мои, откровенная, мрак осиявши
Ярким блистаньем, великой богиней, какою лишь небо
Знает се, предстала мать и, меня удержавши,
Молвила так мне устами, живыми как юная роза:
«Сын, для чего необузданной скорбию гнев пробуждаешь?
Что за безумство? Ужели оставил о нас попеченье?
Прежде помысли о том, где покинут тобою родитель,
Дряхлый Анхиз, не погибли ль супруга Креуза и юный
Сын твой Асканий? Кругом их обители бешено рыщет
Грек, и давно бы, когда б не моя берегла их защита,
Их истребило железо и пламень враждебный похитил!...
Нет! не Парид, похититель преступный, не образ спартанки,
Низкой Тиндаровой дочери – боги, разгневаны боги
Ваш опрокинули град и сразили величие Трои.
Зри – я всякое облако, ныне темнящее слабый
Смертного взор и облекшее все пред тобою туманным
Мраком, подымяю – но только моим повелениям смело,
Сын, покорись, и бесспорно мои поученья исполни.
Там, где видишь разбросанны груды, утес на утесе,
Где подымается черное облако праха и дыма,
Там Посидон великим его потрясенны трезубцем
Стены дробит и, подрыв основанья, весь город в обломки
Рушит; здесь беспощадная Ира, на Скейских воротах
Грозно воздвигшись, союзную рать с кораблей к Илиону,
Броней звучащая, кличет...
Там – оглянись – на замке, над градом, Тритона-Паллада
Села, гремящею тучей и страшной Горгоной блистая.
Сам вседержитель и бодрость и бранную силу низводит
Свыше на греков и сам на дардан подымает все небо.
Нет упования, сын; беги, не упорствуй сражаться;
Буду с тобой; невредимо достигнешь родительской сени».

Разрушение Трои. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru

Так сказала и скрылась в глубокую бездну ночную.

Грозные лики тогда мне предстали, разящие Трою

Силы великих богов я увидел...

Тут открылось, как, страшно разрушен, в огне распадался

Весь Илион и в обломки валилась Нептунова Троя.

Так на густой прародительский ясень, горы украшенье,

Корни кругом подрубив, дровосеки, столпясь, нападают;

Споря проворством, разят топоры; благородное древо

Зыблется, сенью шумит, волосистой главою трепещет,

Мало-помалу под ранами клонится... вдруг, изнемогши,

Стонет и падает, всю завалив разрушением гору...

Я удаляюсь, храним божеством; иду через пламень,

Мимо врагов: раздвигаются копыя, огонь уступает.

К древней обители, к прагу священной родительской сени

Скоро достиг я, и первой заботой в защитное место,

На гору старца отца перенести. Приближаюсь к Анхизу –

Трою свою пережить и себя осудить на изгнание

Старец отрекся. «Вы, сохранившие бодрость младость,

Вы, не лишённые мужеской силы годами, спешите

Бегством спастись, – сказал он. –

Если б державные боги конец мой отсрочить хотели –

Мне бы они сохранили мой дом. Но слишком довольны

Зреть и однажды погибель своих и сожжение града.

С миром идите, почтивши мое полумертвое тело

Словом прощальным; смерть я сам обрету, иль, жалея,

Враг умертвит старика. Не страшна погребенья утрата;

Слишком долго, противный богам, на земле я промедлил,

Чуждый земле, с тех пор как бессмертных и смертных владыка

Вяньем молний своих и громом ко мне прикоснулся».

Так говорил мой родитель, в жестоком намеренье твердый.

Мы же в слезах – и я, и Креуза, и юный Асканий,

Сын мой, и с нами домашние – молим, чтоб вместе с собою

Он, отец, семьи не губил и в беду не ввергался...

Тщетны моленья; покинуть свой дом непреклонный отрекся.

Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущий смерти.

Что иное мне оставалось? какая надежда?

«Как, родитель, чтоб я убежал, об отце позабывши,

Требовал ты! из родительских уст толь обидное слово!

Если назначили боги, чтоб не было Трои великой,

Если тобой решено истребить с истребляемым градом

Нас и себя – для погибели нашей двери открыты:

Скоро Приамовой кровью дымящийся Пирр, умертвивши

Сына пред взором отца и отца пред святыней Пенатов,

Явится здесь! Для того ли сквозь бой и пожар, о, богиня,

Я проведен, чтоб, врага допустив во святилище дома,

Видеть, как сын мой Асканий, и дряхлый отец, и Креуза,

Кровью друг друга облив, предо мною истерзаны будут?

Дайте оружия, воины; время пришло роковое;

Грекам меня возвратите; отведаем силы последней;

В бой, друзья! мы не все неотмщенные ныне погибнем».

Меч опоясав и щит свой надвинув на шуйцу, из дома

Выйти спешу; но Креуза, упав со слезами на праге,

Ноги мои обняла и, сына – младенца подъявля

К лону отца, возопила: «Если себя на погибель

Ты осудил – да погибнем с тобою и мы неразлучно!

Если ж осталось тебе упование на меч и на силу –

Прежде свой дом защити; здесь младенец Иул; здесь отец твой;

Здесь Креуза... ее называл ты доньне своею».

Так вопияла супруга, стенаньем весь дом оглашая.

Тут несказанное в наших очах совершилось чудо:

Сына Иула с печалью родительской мы обнимали –

Вдруг над его головою сверкнуло эфирное пламя,

В кудри власов, не палящее, вяньем тихим влетело,

Пыхнуло ярко и вокруг головы обвилось блистаньем.

В трепете страха мы отряхаем горящие кудри;

Силимся влагой студеной огонь затушить чудотворный.

Чуда свидетель, Анхиз оживленные радостью очи

К небу возвел и, дрожащие длани подъявля, воскликнул:

«О, вседержитель Зевес! когда ты молитвам доступен,
Призри на нас, о едином молящих: если достойны,
Будь нам защитой, отец, и знаменью дай подтвержденье».
Только промолвил Анхиз – помутилось небо, и страшно
Грянуло влеве; и, быстро упавшая с темных тверди,
Мрак лучезарный рассекши браздой, звезда побежала...
Видели мы, как она, разразившись над нашею кровлей,
Светлая, вдаль покатилась и, путь наш означив блистаньем,
Пала за Идою в рошу... долго, протянут вдоль неба,
След пламенел, и запахом серным дымилась окрестность.
Тут побежденный старец родитель подымется с ложа,
Молит богов и творит поклоненье звезде путеводной.
«Все решено! – возгласил он – Боги отчизны, ведите;
С верой иду; сохраните и дом мой и внука; то ваше
Знаменье было, и в вашем могуществе есть еще Троя;
Вам покоряюсь; мой сын, предводи; за тобою отец твой».
Так он сказал... и уже приближался к обители нашей
С треском пожар и шумящего пламени зной опалял нас.
«Время, родитель; на плечи сыновние сядь (возгласил я),
Дай мне мои подклонить рамена под священное бремя.
Что бы ни встретило нас на пути – одно нам спасенье,
Гибель одна; перестанем же медлить; младенец Асканий
Рядом со мною пойдет; в отдаленье за нами Креуза.
Вы же, служители дома, заметьте, что вам повелю я:
Есть при исходе из града холм, и на холме Церерин,
Древле покинутый храм; перед ним кипарис престарелый,
С давних времен сохраненный почетом набожных предков.
Там во единое место из разных сторон соберитесь.
Лики Пенатов и утварь тебе поверяю, родитель;
Я же, пришедший из битвы, рукою кровавой не смею
К ним прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньем свежия влаги...»
С симми словами, широкие плечи склоня и на выю
Сверх одеянья накинув косматую львиную кожу,
Старца подымлю; идем; Асканий, мою обхвативши
Крепко десницу, бежит, торопяся, шагами неровными сбоку;
Следом Креуза; идем, пробираясь мглюю по стогнам;
Я же, доколе бесстрашным оком смотревший на тучи
Стрел и отважно встречавший дружины враждебные греков,
Тут при малейшем звуке бледнел, при шорохе каждом
Медлил, робея за спутника, в страхе за милую ношу.
И уже достигал я ворот и мнил, что опасный
Путь совершился... вдруг невдаля голоса раздалися,
Что-то мелькнуло, послышался топот. Пристально в сумрак
Смотрит Анхиз. «Мой сын, мой сын, беги! – возопил
Идут! сверкают щиты! оружие медное блещет!...»
Кто изъяснит? Божество ли какое враждебною силой
Ум мой смутило... но, в сторону бросаюсь, чтоб мнимой
Встречи избегнуть, далеким обходом я вышел из града;
Боги! Креуза исчезла; во тьме ль, ослепленная роком,
Сбилась с дороги иль где отдохнуть, утомленная, села –
Я не знаю, с тех пор мы нигде уж ее не встречали.
Только тогда я утрату, опомнясь, заметил, когда мы
Холма святого и древнего храма Цереры достигли.
Там собрались мы, убогий остаток троян, – а Креузы
Не было, к горю спутников, сына, отца и супруга.
О! кого из людей и богов я не клял, исступленный!
Было ли что для меня и в паденье Пергама ужасней?
Сына Иула с Анхизом-отцом и с Пенатами Трои
Спутникам вверив, в излучине дола велю им укрыться;
Сам же, блестящей одетый броней, возвращаюся в Трою.
Вновь решено боевые труды испытать, по горящим
Стогнам Пергама промчатся и грудь под удары подставить.
К темному прагу ворот, чрез который мы вышли из града,
Прежде спешу, чтобы, снова по свежему нашему следу
Трою пройдя, замечательным оком всмотреться в приметы;
Всюду ужас! даже молчание в трепет приводит!
К дому Анхиза – не там ли она, не туда ли ей случай
Путь указал – я бегу, но данаи уж грабили дом наш;

Разрушение Трои. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru

Все испровергнуто; с воплями враг по обители рыскал;
Пламень пожара уже прошибал из – под верхний кровли;
Вихрем взвивались искры, и в воздухе страшно гремело.
Я обратился к Приамову дому, к высокому замку:
Боги! боги! в притворе пустого Юнонина храма
Зверский Улисс и Феникс у добычи стояли на страже:
Там сокровища Трои, богатства сожженных святилищ,
Чаши золотые, престолы богов, и убранства, и ризы
В грудях лежали; младенцы и бледные матери длинным
Строем стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнул я во мраке
Голос возвысить; печальный мой клик раздавался по стогнам.
«Где ты, Креуза?» – взывал я, взывал... но было напрасно.
В яростном горе по грудам разрушенных зданий я бегал.
Вдруг перед очи мои появилась призраком, легкой
Тенью она... и казалась возвышенной прежнего станом.
Я ужаснулся, волосы дыбом, голос мой замер.
Тихо с улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза:
«Тщетной заботе почто предаешься, безумно печалюсь?
О Эней, о сладостный друг, не без воли бессмертных
Было оно: мне не должно идти за тобой из Пергама;
То запрещает владыка небес, громодержец Юпитер.
Долго изгнанником будешь браздить беспредельное море;
Там в Геснерии, где волны Лидийского Тибра по тучным,
Людным равнинам обильно-медлительным током лиются,
Светлое счастье, и царский венец, и невесту царевну
Ты обретешь. Не томи ж по Креузе утраченной сердца;
Нет! ни дверей мирмидона, ни пышных чертогов долопа
Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
Дочь Дардании, вечной Венеры невестка..
Быть при себе мне судила великая мать бессмертных.
Ты же прости; поминай о супруге любовь к сыну».
Смолкла и тихо со мной, проливающим слезы, рассталась;
Много хотел я сказать, но она улетела; трикраты
Я за летящею тению руки простер, и трикраты
Легкая тень из напрасно объемлющих рук ускользнула,
Словно как веющий воздух, словно как сон мимолетный.
Так миновалась ночь; возвращаюсь к товарищам бегства;
Много толпою притекших из Трои спутников новых
Там нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
Жалкий народ беглецов, невозвратно утратив отчизну,
С бедным остатком сокровищ, теснились там, приготовясь
Вместе со мной за морями искать обреченного брега.
И уже восходил над горой светоносный Люцифер,
Юного дня благовестник, и все ворота Илиона
Заперты были врагом... упование исчезло! судьбине
Я уступил и Анхиза понес на высокую Иду.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!